Дежурства, страхи и решимость Гарри

Гарри проснулся от того, что его крики и вопли были заглушены подушкой, а сердце колотилось в груди. От страха он застыл на месте; испугавшись, что разбудил Снейпа, он минут двадцать напряжённо вслушивался, прежде чем позволил своему телу расслабиться. Должно быть, он не очень-то кричал, если учитель не услышал, и слава богу. К своему удивлению, он увидел, что Хедвиг находится в своей открытой клетке. Он не ждал её ещё несколько дней и, сияя от счастья, подошёл к ней и стал гладить своего первого друга и подарок. Она щебетала, радостно сверкая янтарными глазами; он поставил клетку в угол и открыл для неё окно, которое, разумеется, так и останется, если Снейп не потребует его закрыть. Хедвиг впервые за лето получила возможность летать, и ей это наверняка нравилось. За окном было жутко тихо и черно. Взглянув на часы, он увидел, что сейчас только три часа ночи. Это был самый долгий сон, который ему когда-либо удавалось проспать, особенно после столь раннего отхода ко сну. Он знал, что больше не заснёт, поэтому взял с полки книгу, достал пергамент и чернила и включил лампу, надеясь, что Снейп не увидит и не войдёт; это свело бы его с ума, если бы ему пришлось снова пытаться заснуть.

Следующие три часа он писал эссе по Чарам, а заодно и читал о них, чтобы знать, что писать. Он не стал списывать из книги, потому что знал, что это можно расценить как списывание; он должен был изложить всё своими словами, что он и сделал. В кои-то веки сочинение не было написано наспех, не пестрело чернильными кляксами, вырвавшимися из-под пера, и не содержало ошибок. Он даже гордился собой: всего один день летних каникул, а он уже написал одно сочинение. Гермиона, несомненно, тоже будет гордиться им; он молча гадал, напишет ли она ему этим летом. Когда он закончил работу, было уже шесть часов; он оставил эссе сохнуть, а сам очень тихо собрал оставшиеся у него туалетные принадлежности, которых было не так уж много. Ему пришлось следить за тем, что он делает с шампунем, и использовать более мелкие капли. Гарри вымыл себя, включая чернильные пятна на пальцах; он не хотел, чтобы его заставили выйти из-за стола и не разрешили есть.

После этого он переоделся в школьную рубашку и брюки; он ни в коем случае не собирался надевать одежду Дадли... во всяком случае, не показывать её. Зимой он должен был носить их, и носил, под закрытой зимней одеждой. Никто никогда не видел, чтобы он носил что-то, кроме школьной формы; он всегда так делал, поэтому вопросов не возникало. Он был героем и лишь задавал моду, что было хорошо для Гарри - это помогало ему скрыть свой позор.

Сделав это, он направился к завтраку - до него оставалось всего пять минут. Он заметил, что его профессор зелий уже там, пьёт кружку чёрного чая или кофе - что он предпочитает, Гарри сказать не мог. Он очень тихо поздоровался и сел за стол. Северус лишь отрывисто кивнул ему, после чего снова принялся читать газету. Ему не предложили почитать газету после того, как Снейп её закончил. Он и не просил.

Подали завтрак; вместо больших тарелок эльфы просто принесли по тарелке с едой. Гарри действительно пытался съесть всё, но ему не удалось съесть и половины того, что лежало перед ним. Сосиска, кусочек бекона, яичница, половина яичницы, половина яичницы-глазуньи - он не любил ни чёрный пудинг, ни фруктовый пудинг, ни жареные помидоры. Он с благодарностью выпил стакан молока - опять же, нечасто ему выпадала такая возможность. Только если он не ел в школе кукурузные хлопья; в школе давали только апельсиновый или тыквенный сок. Он выскочил из кожи вон, когда положил посуду и вытер лицо, когда

профессор зелий рявкнул на него.

"Поттер, поднимитесь и переоденьтесь в то, что не жалко испачкать".

Подавив ужас, он усилием воли прогнал румянец смущения на своем лице. Уставившись в тарелку, он напряжённо пытался придумать оправдание, и только одно пришло ему в голову. "Простите, сэр, мне ничего не подходит", - прошептал Гарри.

"Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!" потребовал Северус, рассердившись на ребёнка; разве дети не знают, что нужно смотреть на взрослых, когда те разговаривают? От такой наглости.

"Простите, сэр", - извинился Гарри, глядя на него широко раскрытыми глазами и молясь, чтобы он ничего не испортил.

"Как тебе идет школьная форма, если твоя обычная маггловская одежда тебе не идет?" плавно спросил Северус, словно пытаясь уличить подростка во лжи.

"Маггловскую одежду я получил много лет назад, а школьные вещи - только в октябре", - честно ответил Гарри, и в этом Северус Снейп не смог уловить лжи: он уже много лет не получал никакой одежды от Дурслей. Вещи становились всё более ветхими, и он уже начал опасаться, что скоро у него ничего не останется.

"Ну что ж, - пробурчал Северус, - придется достать тебе новую одежду позже. А до тех пор я сяду на пару спортивных штанов и футболку". Ему не нравилось уменьшать свои вещи, чтобы они подходили этому мальчишке, но он не хотел, чтобы мальчик всё лето ходил по жаре, пачкаясь и потея в нарядной одежде.

Гарри хотел было возразить, что денег у него хватит только на то, чтобы выпустить его из школы, если судить по его хранилищу. Он не знал, что это была лишь та сумма, которую родители выделили ему на школьные годы. Его отец, Джеймс Поттер, был, в конце концов, Поттером и чистокровным; у него было больше денег, чем у большинства чистокровных, просто потому, что Джеймс и Лили жили скромно в доме, который уже принадлежал Джеймсу в Годриковой Впадине. Он также был аврором; деньги просто копились годами. Альбус Дамблдор подвёл Гарри, не только отправив его к Дурслям, но и утаив от него наследство.

"Да, сэр", - почтительно ответил Гарри, размышляя о том, не придётся ли ему до седьмого курса устраиваться на работу, чтобы иметь возможность позволить себе школьные вещи. Одежда стоила дорого, поэтому он и не стал покупать её. Ему хватало тех денег, которые он имел, чтобы продержаться до конца школы. Он брал с собой только самое необходимое и немного лишнего на туалетные принадлежности и, возможно, несколько лакомств во время поездок в Хогсмид. Его предполагаемый лучший друг, к сожалению, решил, что это потому, что он не хочет с ним делиться. Рыжий мальчишка серьезно заблуждался и был очень узок в своих взглядах. Если он не будет следить за своим поведением, то окажется без достойного друга.

"Хорошо. Я положу их в твоей комнате, они будут тебе впору", - проворчал Северус, вставая и оставляя пустую тарелку и чашку на растерзание домовикам. Выбрав одежду для мальчишки, он поднял список дел, которые должен был сделать.

Удивившись, что мальчик ждёт его в своей комнате, он просто протянул ему два комплекта одежды: две пары чёрных трусов и коричнево-черную футболку. Мальчик взял их на удивление нерешительно, как будто подозревая, что он их подделал. Потоптавшись на месте, Гарри рявкнул на мальчика, чтобы тот спустился на кухню, когда он закончит, после чего, в своей обычной манере Снейпа, покрутился на месте, раздувая за собой мантию, и ушёл.

Гарри, не желая злить Снейпа еще больше, чем он уже успел, оделся в черную одежду. Если бы не ужасные носки и дырявые боксеры, ему было бы вполне комфортно. Нужно было найти способ узнать, как Снейпу удалось их зачаровать. Но он не собирался спрашивать об этом в ближайшее время, учитывая настроение Снейпа. Одевшись и надев кроссовки, он быстро направился на кухню, размышляя о том, будет ли он сегодня работать именно там.

Гарри с трудом удержался от того, чтобы не сказать "Я здесь, сэр" и не констатировать очевидное; в конце концов, Снейп его прекрасно видел. Он сдвинул очки на нос и несколько раз моргнул, пытаясь отогнать головную боль, которая всегда была рядом. У него не было правильного рецепта на очки; тетя достала их для него неизвестно откуда. Они помогали ему видеть лучше, чем ничего, поэтому он не жаловался, да и не хотел. Головные боли были настолько постоянными, что он уже не замечал их, если только не снимал очки на длительное время, как, например, во время написания эссе по чарам.

"Это те дела, которые нужно сделать сегодня; я не буду тебя вызывать, и если ты не явишься к обеду, то это не моя проблема", - отрывисто сказал Северус, протягивая Гарри листок бумаги с длинными паучьими каракулями на нём.

"Да, сэр", - ответил Гарри, размышляя, где ему взять семена или оборудование для создания нового травяного сада Снейпа с ингредиентами для зелий.

"Вы найдете все в сарае", - добавил Северус, прежде чем уйти.

Гарри вышел на прекрасную солнечную улицу, казалось, его не беспокоила работа, которую он должен был сделать. Это было не так - ему очень нравилось работать в саду у тёти и дяди, хотя всё это было не так увлекательно, как создание сада из семян. Войдя в сарай, он обнаружил, что тот очень опрятен и ухожен, как и все остальное. Ничего не было набросано бессистемно, как в сарае на Прайвет-драйв, хотя этот сарай был раз в пять больше маленького сарайчика, принадлежавшего Дурслям. Он нашёл корзину, в которой можно было уместить все необходимые семена, не уронив их, и решил воспользоваться ею. Взяв большую лопату, он также выбрал маленькую и небольшой зубчатый предмет, который помог бы ему гораздо легче заделывать семена в почву. Он вышел из сарая и направился к месту, где ему было сказано разбить новый сад.

С этими словами он начал копать. Это была грязная, тяжелая работа, но Гарри привык к

тяжелому труду. В возрасте пяти лет он стриг газон с помощью огромной чудовищной машины, которая была больше и сильнее его. Вырезая участки травы, он сворачивал их в рулон и откладывал в сторону, не зная, что еще с ними делать. Длина травы должна была составлять восемь футов в обе стороны, так что она была довольно длинной, и у него ушло на это несколько часов. Он не мог снять рубашку, опасаясь, что Снейп увидит шрамы на его спине. Следы от кнута и ремня оставили слабые линии, пересекающие его спину. Обычно он снимал рубашку на Прайвет-драйв, так как сад был уединённым, с очень высокими заборами… впрочем, не слишком высокими, так как Петуния любила, чтобы через них можно было просто смотреть. Петуния была высокой, костлявой женщиной, и всем было все равно, если бы они увидели. Все думали, что он попал в больницу Святого Брута для неизлечимо преступных мальчиков.

http://tl.rulate.ru/book/100317/3426398